Так-то наши старики рассказывали, как Аввакум в Сибирь попал и потом как по его следу других раскольников в Сибирь сослали. По всему видать, что Аввакум не только в книгах богослужебных разбирался, но и в хозяйстве крестьянском толк знал. Место для нас доброе выбрал: лес близко, вода рядом, зверь в тайге всякий водится, разного добра: ягод, орех — хоть лопатой греби. Старики-то не зря добрую славу об Аввакуме несли. Он и в России о мужиках пекся, и здесь в Сибири о нас позаботился.[12]

В другом предании, записанном в Тарбагатайском аймаке, говорится:

Аввакум попал в Сибирь неспроста. Он в Москве в большом почете ходил. Когда на Руси раскол начался, он на себя всю защиту старой веры взял, за это и пострадал на всю жизнь. Сначала его под Москвой в каменном сыром подвале держали. Там он свои книги писал и разные воззвания к народу, чтобы он никоновскую веру порушал и по новым книгам не молился. Царь понял, что вся смута от Аввакума идет, взял да и отправил в Сибирь, пусть там его, мол, на съедение волком бросят. Повезли Аввакума по всей России, а народ ему везде раскланивается. Царь велел на его маску черта с рогами надеть, чтобы его никто не узнавал. Одели на него такую маску, а народ и через нее Аввакума узнавал. Оно верно, что золото и в грязи блестит.

Дорогой Аввакума другой конвой нагнал. Тот конвой в Сибирь другого каторжника гнал, звали его Демьяном многогрешным. Признакомились оба колодника, рассказали друг дружку пор свое житьбытье и дали слово, чтобы в беде по одиночке друг дружку не оставлять.

Пригнали Аввакума к Ангаре, тут казаки плоты сделали и начали через Байкал переплывать. Демьян с Аввакумом на разные плоты попали. Аввакум-то вперед поплыл. День плывут хорошо, на другой такая погода поднялась, что света божьего не видно. Заматало, закрутило плот, все поугорели и в безпамятстве остались. Один Аввакум только на плоту стоял и за всех богу молился. На пяты сутки Аввакума выбросило около Прорвы, где теперь недалеко Посольский монастырь стоит. Никого, кроме Аввакума, живых не осталось. Глядит он — перед ним одна степь да тайга. Что делать? Разобрал Аввакум плот, построил себе избенку и стал жить промыслом. Рыбы тогда в Байкале было столько, что ее руками без снастей можно было ловить. Так бы и жил один Аввакум в степи, да тут буряты узнали про нового человека и пришли к нему. Он их хлебом угостил, они ему мясо на варево дали. Так он около бурят и прижился.

Прошло много дней; видит Аввакум — к его берегу плот прибывает. Он огонь розжег. К вечеру плот прибило. На плоту один-одиношенек только Демьян многогрешный остался. Зажили они вдвоем без горя и нужды. Однако долго-то жить так не удалось. Расчухало начальство о двух отшельниках, прислало за ним казаков. Те связали их, по Селенге вверх на плотах подняли. Демьяна на поселение тут недалеко в Селенге оставили, а Аввакума на Нерчинску каторгу свезли. Сколько его там смертным боем ни били, а от своей веры от-

[12] Записано от Демида Ивановича Трифонова, с. Тарбагатай Тарбагатайского аймака Бурятской АССР, 1938 г. Всю свою жизнь этот глубокий старик прожил в родном селе Тарбагатае. Он знал много духовных песен и стихотворений, прекрасно рассказывал об истории раскола. О приведенном предании сообщил: «Слыхал в мальчишестве, с тех пор его часто нашим мужикам приходилось говорить. В нем истина вся, все правда». Запись хранится у собирателя.